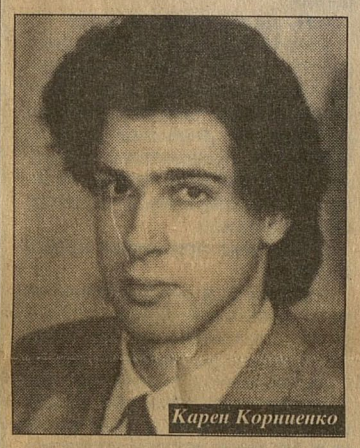
Конкурс им. Рахманинова

ИМЕНИ РАХМАНИНОВА

Завершилась двухнедельная конкурсная баталия, к которой так долго и нервно готовились, решали дилемму "быть или не быть?", судили, рядили, подсчитывали ресурсы... Событие состоялось, и, как всегда, в конкурсной жизни – напряженная атмосфера, споры, сюрпризы, радости, огорчения. В самый канун всеобщего ликования в столице подведены были итоги международного соревнования, носящего имя великого русского музыканта. Итак, итоги.

Культура. – 1997. – 18 сент. – с. 13

Валентина Игошина



Карен Корниенко

Аскар Абдразаков

Дмитрий Степанович

Елисей Бабанов

Проиграших нет

Юлия КОРЖ

Прежде всего – о самом общем: из 32 пианистов, прибывших на конкурс по этой специальности, финалистов осталось 7. "Великолепная семерка", позволю себе их назвать, хотя бы по одному тому, что все они примут участие в записи компакт-диска на фирме "Виста Вера" и в концерте на родине Шопена, в польском городе Желязова Воля. (Этот гастрольный "презент", для каждого молодого музыканта весьма существенный, обещан членом жюри конкурса известнейшей пианисткой Галиной Черны-Стефаньска).

А теперь о том, как распределились награды и призовые места. Гран-при (10 000 долларов) достался Карену Корниенко, 23-летнему студенту Московской консерватории (класс Е.Малинина). Счастливчика ждет гастрольная поездка по России, Европе и США – специальный приз Рахманиновского общества. Заслужил ли мальчик награду, или же ему просто повезло? Вопреки мнению жюри, высоко оценившего исполнительскую индивидуальность пианиста (а наиболее ярко творческая индивидуальность, у кого она была, конечно, проявилась на первом туре, где все участники монографического конкурса играли одно и то же), сей сакраментальный вопрос мне хочется оставить без ответа. Корниенко, безусловно, обладает природной виртуозностью и романтически-импульсивен душой. Однако сложилось впечатление, что он играет несколько быстрее, чем думает. А в исполненном в финале Третьем концерте он допустил немало фальшивых аккордов. Не исключено, впрочем, что именно этот сбой помог Карену очнуться ото "сна" и доиграть концерт осмысленно, с душевной наполненностью, которой недоставало многим другим произведениям Рахманинова в его интерпретации.

Первую премию разделили два самых юных участника: Валентина Игошина, окончившая 1-й курс Московской консерватории (класс Л.Дедовой), и Елисей Бабанов, ученик Санкт-Петербургской средней специальной музыкальной школы. Оба смогут принять участие в сезоне 1998 г. в музыкальных фестивалях Италии, Испании, Греции.

Наиболее яркое открытие конкурса – Елисей Бабанов, застенчивый и даже несколько отрешенный, совсем юный (ему едва минуло 17 лет), но абсолютно сложившийся "взрослый" музыкант. Выбор произведений на конкурсе оказался сравнительно невелик, и все пьесы, сыгранные им, многократно повторялись и другими. Однако в исполнении Бабанова они прозвучали как великие трагические откровения. Пианист обладает феноменальной способностью выстраивать форму органично и стройно, насыщать ее энергией рахманиновского гения (ах, как трудно мне удержаться, чтобы не добавить: "И своего собственного гения тоже!").

Виктор Мержанов, председатель жюри, помнит свои впечатления от игры Бабанова, когда тому было лет тринадцать. Уже тогда мальчик поразил его неординарной манерой исполнения, тонкостью и осмысленностью фразировки, виртуозностью. "Сейчас это музыкант с собственными мыслями, идеями, – говорит Мержанов. – Все, что он делает, он делает сам – этому невозможно научить", – размышляет Виктор Карпович в ответ на мою просьбу оценить роль педагога (Елисей занимается у Е.Шишко) и возможной "выдрессированности" ребенка. Имеем ли мы дело с гениальным педагогом и способным, послушно учащим уроки школьником – или же родился новый музыкант? Не будем гадать и вернемся к итогам.

Вторая премия не была присуждена вообще, зато на третьем месте снова оказались двое – японка Джунко Инада и Андрей Желтоног (оба являются учениками членов жюри Ж.Мунье и С.Доренского, одна – в Париже, другой – в Москве). Маленькая и изящная, как большинство японцев, Инада играла Рахманинова с силой и виртуозным блеском; особенно интересно и захватывающе, невзирая на сложность формы, концепции, да и просто музыки, у нее прозвучала финальная Рапсодия на тему Паганини.

А. Желтонога хочется отнести к категории зрелых, "взрослых" пианистов и опытных конкурсантов, неподвластных нервозным "напрягам", свойственным любому конкурсу. Хотя по возрасту он далеко не стар (ему 24 года), однако складывается впечатление, что стремится экономить эмоции, не растрачивать душевную энергию на публику. Он законченный профессионал, но, увы, любит играть "громко и сильно", временами даже "барабанит". Пианистической "выправке" Желтонога противостоит элегическая задумчивость и сдержанность, не чуждая импрессионистской тонкости, с которой Е.Бабанов исполнял фортепианную партию в романсах (на II туре конкурса) и лирические эпизоды в Первом концерте (на третьем туре). Но в финальном соревновании, для которого Андрей Желтоног выбрал Третий концерт, его сила и внешний блеск в сочетании с внутренней собранностью оказали ему хорошую услугу. Третий концерт прозвучал блестяще!

Обладателями дипломов конкурса, а также 500-долларовых премий не назвавшего себя члена жюри стали аспирантка Московской консерватории Елена Ульянова и итальянец Палмо Веннери (совершенно случайно (?) педагогами обоих также являются члены жюри Ж.Мунье и В.Мержанов).

В заключение хочу привести слова В.Мержанова, оказавшегося в фортепианном жюри самым красноречивым. Подводя на пресс-конференции итоги соревнования, он сообщил, что спонсорское бремя Национального Резервного Банка разделил под конец мероприятия Гута-Банк, и прокомментировал этот факт: "Удивительно, что русский бизнес начал интересоваться русской классической музыкой!" ●

О классиках и импрессионистах

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Сергей Васильевич, как известно, был композитором крайних эмоциональных выражений – или элегически-созерцательных, или уж страстно-патетических, вплоть до надрыва, вопля. Нежданно крайности стали и лейтмотивом нового вокального Конкурса имени Рахманинова: пятеро его победителей разошлись к разным полюсам искусства. На одном нежился античный Аполлон, другим владел мятежный роденовский "Мыслитель".

Но прежде чем рассмотреть, кто и где обосновался, – беглое знакомство с конкурсом-новичком.

Родился только что – "под крышей" фортепианного Рахманиновского конкурса, под его именем и с его, международным, статусом. Собрал, несмотря на отсутствие пока престижа, 61 участника (для сравнения: на последнем Конкурсе Чайковского участников-вокалистов было около 70). Из них шестеро иностранцев – немка, японец, четыре представителя Кореи, семеро прибыли из ближнего зарубежья – с Украины и из Казахстана, остальные – россияне.

По соотношению представленных голосов вполне типичен: 32 сопрано, 5 меццо, 5 теноров, 10 баритонов, 9 басов. По общей фактуре тоже – на десяток зрелых певцов море" школяров. Как хороших, умело поющих нотки, но не музыку, так и плохих, являющих массу изъянов в школе (а заодно – своим присутствием на концертной эстраде – и аксиому: нет среди музыкантов категории самонадеяннее, чем вокалисты).

С типом конкурса сложнее. Судя по тому, что большую часть программы составляли рахманиновские романсы и романсы других авторов, у конкурса камерный характер. Иным, раз уж у него это, а не другое имя, он, пожалуй, и не может быть – сравните, сколько Рахманинов написал камерной музыки и сколько оперной. Но по всему выходит – искали здесь не камерного исполнителя, а универсала, благо, у конкурсантов была возможность проявить и свое оперное дарование – в моцартовской арии первого тура и двух ариях третьего. Между тем универсалов и так беспребойно ищут на конкурсах Глинки, Чайковского, на десятке других появлявшихся у нас вокальных соревнованиях... Словом, "камерная изюминка", лежащая на самой поверхности нового начинания, никого не соблазнила и на создание соответствующего конкурса не подвигла.

Теперь – к полюсам, рассматривать лица их обитателей. Аполлонов Парнас оказался самым населенным, и расположились здесь персоны, всем меломанам знакомые, раскрученные. Герой среди них – бас Аскар Абдразаков, в котором вдосталь и красоты, и гармонии. Все, что ни делает, тщательно продумано и тщательно отобрано. Блестящий, именно блестящий мастер. Но все-таки не универсал. В камерных сферах ему тесновато, не совсем ловко, хотя, когда дело доходит до эффектных вещей типа равелевских "Трех песен Дон Кихота", он на коне, и слушать его вновь удовольствие.

Шаг в сторону – другая сирена ласкает слух, Юлия Замятина (2-я премия). На общем конкурсном фоне, который делали легкие и мелкие, в смысле звучности и в смысле чувства, сопрано, она расцвела. Явила красоту голоса, профессиональную зрелость и – некоторые признаки пробуждения от своего всегдашнего мраморного бесчувствия. Третий же обитатель Парнаса (и обладатель 3-й премии) баритон Андрей Батуркин, должно быть, от вышеупомянутой болезни уже не излечится. Хотя один раз удивил, когда придумал спеть рахманиновский романс "Я был у ней", как никто: заменил его напыщенный мелодраматический пафос легкой иронией. В остальном же воссоздать какое-нибудь настроение – может, эффектно спеть эффектную вещь – может (недаром и он выбрал для себя равелевский цикл "про Дон Кихота"). Там же, где бьется чувство, где что-то надо пережить, прежде, чем спеть, – он пас. Идет просто грамотный нотный текст – что в ариях, что в романсах. Чем же он взял жюри? Должно быть, красотой (голоса). Ах, эти неотразимые, лощеные идеалы античного Парнаса...

Другой полюс сотрясал огромным басом, помноженным на стихию, Дмитрий Степанович. Что он делал с фразою и собственным тембром – не передать. То выдавал красоту, то – пародию на нее. Лохматил вокальные линии, как хотел. Казалось, он лепит произведение прямо сейчас, на наших глазах, и хотя иной раз выходило сыро (как, например, ария глинкинского Руслана "О поле, поле"), присутствовать при этом процессе было необычайно интересно. Такой, с "сумасшедшинкой", у которого все свое – интонация, отношение к произведению, мироощущение определенно из шаляпинской породы. Что же касается его более конкретной родословной, то 23-летний бас, ставший открытием конкурса, – выпускник Гнесинского училища по специальности "теория музыки и композиция", студент-вокалист Московской консерватории, пишет музыку и стажируется в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Жюри, возглавлявшееся Ириной Архиповой, поставило его на одну ступень с Абдразаковым – первую, продемонстрировав тем неслыханный плюрализм.

Последний, пятый лауреат, Оксана Швед (2-я премия и спецприз за исполнение цикла), как будто совсем иная, чем Степанович. И голос у петербургской певицы отлично отделан, и форму она строит по классическим канонам. Но полюс у них один, тот, где во главу угла ставят чувство – его рождение в себе, его воспроизведение в звуке, его пробуждение в публике. Как и Степанович, Швед жила в музыке, а не занималась ею. Еще, пожалуй, только два певца на этом конкурсе продемонстрировали то же: Андрей Антонов из Самарской оперы – в максимальной степени и москвич Дмитрий Трапезников – с некоторой натяжкой. Оба, кстати, замечательные камерные исполнители, оставшиеся за бортом третьего тура. Но и их бы я назвала в числе по-настоящему интересных фигур, высветившихся на конкурсе, а таковых здесь было несколько – притом, что не на всяком соревновании найдется и один. Значит, первый вокальный имени Рахманинова – удался. Но вместо восклицательного знака поставлю вопросительный: а что, если вернуться к началу да попробовать ту лежащую на поверхности изюминку? Камерных-то конкурсов у нас – раз, два, как и камерных певцов. Ведь не вспашешь – не взрастет. ●

Поправки к итогам

Еще задолго до начала состязания все заинтересованные лица были оповещены о его условиях, о системе наград и премий, среди которых первым номером, естественно, значилась Гран-при, учрежденная внуком великого композитора Александром Борисовичем Рахманиновым, живущим за рубежом. Интересно было услышать мнение самого Александра Рахманинова о конкурсе.

– Как можно оценить международное состязание, если авторитет его, престиж не повышается, а понижается! – услышала я в ответ. – Судите сами, на прошлом конкурсе в первом туре было более шестидесяти пианистов, а в этом году – тридцать один. Общий уровень, по-моему, на этот раз ниже.

– А что вы думаете об обладателе Гран-при? Ведь это ваш приз – так всюду пишут?

– Нет, не мой! Я к нему никакого отношения не имею. Разве вы не обратили внимание, что в буклете, в перечне наград, которыми будут одарены победители, мою фамилию с первой строчки, где указана высшая награда, скинули и поставили на седьмое место. А сумму оставили прежнюю.

– Почему это сделано?

– Нетрудно догадаться: председатель жюри хотел иметь полную свободу в выборе кандидата. Меня лишили права решать главную задачу конкурса – выбрать кандидата на международную Гран-при (подчеркиваю, международную!), и дали премию музыканту, которому место на соревновании, в лучшем случае, где-нибудь в Туле и то с перспективой занять лишь третье место – на большее он претендовать не мог бы. Видите, что творится: несправедливость и ложь!

С таким решением жюри были не согласны представители из США, Италии, Греции, Бельгии и один – из России: наполовину разделились голоса, и все же приз отдали музыканту, совершенно, на мой взгляд, его не заслуживающему. Я глубоко убежден, что раз конкурс имеет статус международного, нельзя, чтобы члены жюри из России злоупотребляли "хозяйскими" правами. Нет, что ни говорите, а уровень нынешнего конкурса абсолютно не соответствует категории международного состязания. Мне очень грустно, что так получилось. Очень горько. Я занимаюсь конкурсными делами совершенно бесплатно. Никто мне ничего не оплачивает. Езжу в Россию за свой счет, оплачиваю гостиницу сам – все за свои деньги, чтобы быть совершенно независимым. И единственное, что может мне быть вознаграждением, – открытие новых Рубинштейнов, Горовицей, Клайбернов... То, что произошло на сей раз, меня крайне возмутило, потому что я увидел, как великое имя великого художника используют в самых нечистых, непорядочных целях.

– Александр Борисович, вы так много сделали для конкурса Рахманинова. Будете ли вы и дальше помогать его существованию?

– Если это будет делаться серьезно, нормально, а, главное, честно, – конечно, буду. Важно, какая команда возьмется за дело!

Беседу вела Мариам ИГНАТЬЕВА

Сергей Васильевич Рахманинов 18.03.97